

ЭФОРУМ

№ 5 (51) декабрь, 2016 г.

 БЮЛЛЕТЕНЬ
 ЛАБОРАТОРИИ
 ЭКОНОМИКО-
 СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
 ИССЛЕДОВАНИЙ

ЗНАКОМИМСЯ.....2 УЗНАЕМ.....6 УЧИМСЯ.....11 ШУТИМ.....14

 Интервью с Анной
 Кругловой: «Твоя
 лояльность и твой долг
 прежде всего – перед
 информантом»

 Долг – ахиллесова пята
 Европы?

Гражданин социолог

 Поворот к живым
 мертвецам в социологии

Уважаемые читатели!

Прислушавшись к словам Александра Блока «Не забывай долга – это единственная музыка. Жизни и страсти без долга нет», мы решили развить тему долга и рассмотреть ее с разных сторон в декабрьском номере бюллетеня «ЭСФорум».

В рубрике «Знакомимся» представлено интервью с Анной Кругловой, научным сотрудником Лаборатории экономико-социологических исследований, в котором она рассказывает о своем профессиональном становлении и формировании научного интереса к антропологии. Рассуждая о методологии антропологии, Анна Круглова приходит к выводу, что в ее основе лежит прежде всего этика добродетели, которая в том числе выражается в императиве соблюдения моральных обязательств перед информантами. Интервью провела младший научный сотрудник ЛЭСИ Елена Гудова.

В рубрике «Узнаем» опубликовано эссе профессора в области политики Университета Кардиффа Кеннета Дисона «Долг – ахиллесова пята Европы?». В статье описана история европейского долга, рассматриваемая через призму рисков, возникающих в силу стремлений домохозяйств, компаний и государств «жить не по средствам». По мнению автора, этот риск распространяется далеко за пределы бюджетных средств и включает дестабилизирующую роль банков в денежной эмиссии и кредитной политике. Потенциальным выходом из критической ситуации Кеннет Дисон видит создание на государственном уровне механизмов, формирующих ответственное поведение кредиторов и должников.

В рубрике «Учимся» помещена статья «Гражданин социолог» Татьяны Ларкиной, магистранта Московской школы экономических и социальных наук, стажера-исследователя лабора-

тории экономико-социологических исследований. В материале автор обращается в первую очередь к тем, кто задается вопросом «Зачем вообще нужна социология?». Такие мучительные вопросы, по мнению автора, возникают из-за того, что социология преподносится главным образом как ценностно-нейтральная наука. Однако свобода от оценки никогда не предполагала отказа от ценностей. И возможно, активное участие социологов в жизни общества может вернуть им ускользающее чувство профессионального долга.

В рубрике «Шутим» предлагается перевод небольшого эссе профессора социологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Габриэля Россмана «Поворот к живым мертвецам в социологии», в котором он заглядывает в будущее, рассуждая о том, каким образом различные направления социологии отнеслись бы к эпидемии зомби.

С пожеланиями интересного чтения!
Создатели ЭСФорума

Интервью с Анной Кругловой: «Твоя лояльность и твой долг прежде всего – перед информантом»

Анна Круглова

PhD по антропологии, научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований

– Вы учились на переводчика в Иркутске, изучали китайский язык, а потом оказались на MBA в Университете Квинсленда (Австралия). Расскажите немного о своем образовании.

– Моим первым высшим образованием было Китаеведение в Иркутском лингвистическом университете. Мечта о работе переводчиком-референтом у меня оформилась где-то к восьмому классу. Как я сейчас понимаю, это была скорее мечта о познании других миров. Предельно другими казались «миры» дальневосточные – японский и китайский. Но в Перми, где я жила, соответствующего образования не было, а проживание и обучение в Москве или Петербурге моя семья не смогла бы поддержать финансово. Я отправилась в Иркутск, поскольку на семейном совете было решено, что другие варианты – Благовещенск и Владивосток – были еще дальше, а тут всего трое суток на поезде.

После окончания университета я вернулась в Пермь. Поначалу была уверена, что работу найду на местном рынке, и уже подготовила пачку объявлений на китайском языке для расклейки в местных «чайнатаунах». Однако именно в это время компания «Уралкалий» активно расширяла продажу своих минеральных удобрений в Китае. В 1998 г. я

оказалась одним из трех Китаеведов в Перми, и меня приняли на работу сначала в пермский офис продаж, а затем отправили в Пекин. Мне было 22 года, и наш офис состоял из меня, моего русского начальника и двух китайцев, которые помогали в работе с клиентами. Поэтому пришлось заниматься многими вещами, к которым мое образование меня совсем не готовило: бухгалтерией, железнодорожной логистикой, пиаром, маркетингом, клиент-поддержкой, контрактами и аккредитивами.

– Это было то самое «столкновение» с другими мирами?

– С одной стороны, это было столкновение с другими мирами в самом лучшем варианте включенного наблюдения – приходилось очень много работать с местными жителями. С другой стороны, это была жизнь экспата, «золотое гетто» посольского района Чаоян – это совершенно отдельная культура и жизненный мир. Если говорить о бизнесе как о другом мире, там как раз удивлений было меньше всего. Меня всегда изумляло, насколько волнительно, сложно и героически этот мир описывается в учебниках по бизнесу, где уже в то время полностью была озвучена нелиберальная идеология, провозглашающая гибкость, скорость, полную психологическую отдачу, инновации и постоянное переобучение как жизненно необходимые бизнесмену. Все это оказалось очень забавным на фоне операций внешней торговли, проходивших в контексте капитализма, одновременно оппортунистического и бесконтрольного на микроуровне, и патриархально-государственного, статусно-бюрократического на макроуровне. Это было характерно и для России, и для Китая. К тому же структура рынка калийных удобрений была очень олигополитической. Но мне пришлось в этом разбираться только в прагматическом измерении. Я не могу не вспомнить

смешной случай: однажды, придя в офис, мы увидели, что он весь заставлен ящиками с каким-то «знаменитым» рисом. Это был подарок от клиента, человека в прошлом деревенского, но разбогатевшего на приграничной торговле. Привозить из путешествий местные «знаменитые» продукты – китайская традиция, в России также часто это делают. Как и шоколадку для врача, взятой такой подарок считать трудно. Но он нас затопил этим рисом! Я не думаю, что это было неумышленно. Мне кажется, это был намек на то, что мы «разжирили» и забыли, что деньги свои (т.е. «Уралкалия», а в конечном счете его владельцев) мы зарабатываем на спинах крестьян, которые питаются не лобстерами. Так антропология экономики пересеклась с антропологией этики. Секретарь офиса, китайка, окинув абсолютно спокойным взглядом горы риса, произнесла, хлебнув зеленого чайку: «Ну что ж, нам еще масла подсолнечного закупить, так зиму и протянем». Она к тому времени зарабатывала довольно значительные по местным меркам деньги и могла позволить себе есть лобстеров на представительских банкетах. Еще она проходила одну за другой пластические операции для «европеизации» внешности, но основы китайской повседневной экономики, как и морали, она из виду не упускала. Такой вот контекст одного дара. Об этом можно было бы статьи писать, только заниматься этим было некому.

– Как складывалась ваша дальнейшая карьера?

– Компания предложила оплатить мое обучение на степень мастер делового администрирования (MBA, Master of Business Administration) при условии вечернего обучения. В это время Queensland University (Университет Квинсленда, Австралия) открывал свои первые англоязычные программы в Китае, где на

них был большой спрос. И я получила степень магистра «без отрыва от производства». Так прошло семь лет в Пекине. В свободное время я много путешествовала и познакомилась со своим будущим мужем, гражданином Канады. Решение переехать было нетрудным, поскольку к тому времени карьера в «Уралкалии» мне виделась привлекательной лишь с финансовой стороны.

Переезд дал мне вторую возможность осуществить мечту детства, но уже с совсем других позиций. Я думаю, тогда же Россия и русская культура превратились для меня в загадку. Разобраться в этих вопросах обещала загадочная дисциплина под названием «антропология», о которой я раньше практически не слышала. У меня было представление, что это что-то типа анализа символических систем (в котором я как лингвист чувствовала себя комфортно), но глубже.

– *А почему не социология, культурология или межкультурная коммуникация? Получается, вас больше интересовало то, как устроены культурные коды, системы смыслов, нежели организация и деятельность людей?*

– Для меня было интересно, как организация и деятельность людей порождают смыслы, а смыслы влияют на организацию и деятельность. Различия и сходства «социальной» и «культурной» антропологии, как абстрактные, так и исторически сложившиеся, – это отдельная тема. Был ли мой интерес к смыслам первоначальным или сложился в результате того, что я прошла школу, которую больше ассоциируют с «культурной», смыслоинтерпретирующей антропологией, как и всю американскую антропологическую традицию? Почему не социология или культурология? Уже не помню, но, возможно, именно потому, что кое-какое представление о них я имела, а антропология была *terra incognita*. Ну нравятся мне новые места!

На решение о поступлении в тот год оставалось несколько часов, и я подала документы на программу бакалавриата по антропологии. После года обучения в бакалавриате я набрала достаточно курсов для перехо-

да на магистерскую программу, которая продлилась также всего год, и сразу поступила на PhD. Кандидатская после этого затянулась на семь лет, из которых последние несколько лет мне пришлось работать вне стабильной академической среды, так как мы переехали в Абердин, где у мужа была позиция в постдокторантуре. В Москву мы переехали уже в 2013 г.

– *После вашего переезда в Москву Россия оказалась понятной «по умолчанию» или возникли новые или старые вопросы, проявилась какая-то инаковость?*

– В процессе учебы Россия раскрылась с совершенно разных сторон. Я читала и русскоязычную, и англоязычную литературу, причем довольно беспорядочно, что тоже сыграло свою роль. В целом вся моя жизнь была переездом, и три года в Москве – не повод считать, что «после» уже произошло. Но в Москве мне очень нравится. Это лучший, самый интересный, самый живой город из тех, в которых мне довелось и пожить, и побывать. Мой муж тоже так считает. Вопросы и инаковость здесь появляются без моих особых антропологически-сектантских усилий. Я очень надеюсь, что и у нас с Россией, и у России в целом все как-то сложится.

– *Откуда у вас возник интерес к материальности кладбищ?*

– По кладбищам я написала магистерскую работу, и она во многом была просто ученической. Меня всегда поражал контраст между кладбищами в России и в Америке. Старое пермское кладбище было густой запущенной рощей, где мало солнечного света и где без особо видимого порядка в лабиринте разношерстных оградок стоят именные и безымянные памятники, отражающие всю историю страны, – и советские знамена в камне, и портреты «пацанов», и дореволюционные обелиски с характерным для России смешением купечества и классицизма. На этом кладбище в пору моего детства проводились занятия по лыжной подготовке, и лыжня проходила иногда между могил, а иногда и прямо по ним. Тогда мне это со-

всем не казалось чем-то странным, важнее было в пылу трехкилометровки не зацепиться лыжной палкой за розочку на оградке. На другом конце этого спектра в моем воображении были плоские, залитые солнцем, пустынные американские кладбищенские лужайки с небольшими вкопанными в грунт табличками, практически невидимыми с двух шагов. Я не брала интервью и не вела включенного наблюдения, а работала только с имеющейся литературой, а также фотографировала и собирала фото кладбищ в Интернете. Потому моя работа была скорее не антропологической, но семиотической, попыткой осмыслить «миф» русского кладбища в духе Ролана Барта, поместив его в диалог с русской и западной антропологической литературой о смыслах смерти и умирании. Основным парадоксом для меня было то, насколько на кладбищах одновременно выделяется наше обычное историографическое смещение эпох – досоветской, советской, постсоветской, и т.п. – и насколько оно эфемерно в фактическом, материальном и практическом пространстве кладбища. Это не слишком оригинальный вывод, но меня приняли на следующий этап программы. Это было необычно, потому что у моих одноклассников к этому моменту уже имелись свои поля, проекты, и опыт настоящей полевой работы.

– *Расскажите о своей диссертации. Как от темы материальности кладбищ вы перешли к повседневной морали в России и исследованиям поколения перестройки?*

– Когда я приезжала из Китая или Канады и общалась с друзьями детства, я замечала, что, несмотря на общий язык и понимание всех *cultural reference*, я перестала улавливать прагматику разговора – о чем принято говорить в ответ на практическое замечание, как надо выстраивать рассказ о событии, сколько он должен продолжаться и т.п. Меня это удивляло (я вообще люблю удивляться – это мое самое любимое состояние, которое с годами, увы, уже приходится поддерживать как физическую форму, и делать это все труднее). Прагматика разговора

тесно связана с этикой, с согласованием общих ценностей и взаимных позиций. Нужно понимать, о чем этот разговор в его метасмысле: кто я собеседнику, кто она мне, зачем мы говорим, что именно хотим сказать и какими языковыми и эмоциональными средствами это выражено. К тому времени я также прочитала две книги, оказавшие на меня сильное влияние, – это «Русские разговоры» Нэнси Рис¹ и «Crisis and the Everyday in Postsocialist Moscow» Ольги Шевченко². Влияние это было разным: и вдохновляющим, и «от противного» – мне хотелось показать, что за «русскими разговорами» стоит больше, чем жалоба, ламентация или моральная догма (критику и похвалы книги Рис можно найти в обширной дискуссии в журнале «Антропологический форум»). В чем именно состоят эти позиции, динамика их использования и осознания в разных повседневных ситуациях? В то же время в антропологии развивалось два направления: антропология этики и интерес к материальности. Пока мой научный руководитель, Майкл Ламбек, интересовался этикой добродетели с позиций Аристотеля, я читала о том, что русская этика – это тоже этика добродетели, но при этом преобразованная марксизмом-ленинизмом... Вебб Кин говорил о пользе понятий «лингвистической идеологии» и «семиотической идеологии», местной, локальной идеологии языка, материи, и действия³. Мне было понятно, что у моих информантов есть собственные неоднозначные отношения не только с языком, материей и действием, но с *идеологизацией, материализмом и мобилизацией*. Одновременно с этим я читала русских «native» антропологов, занимающихся, среди прочего и проблемами «местной» субъективности, –

Сергея Ушакина⁴, Алексея Юрчака⁵, Николая Ссорина-Чайкова⁶. При этом я использовала необычную для антропологов социологичность в построении исследования, ограничив круг своих респондентов по возрасту (поколение рожденных в 1970-е) и по доходу (не богатые, но и не бедные люди с зарплатой в 15000–50000 руб. в 2009–2011 гг.). Я до сих пор считаю, что это было правильно. В XX и XXI вв. каждые 10–15 лет в России менялась социальная реальность, а дикая дифференциация доходов во время и после перестройки предусматривает внимательность к расслоению, которое можно, хотя и спорно, назвать классовым. Это расслоение жизненных миров. Защита моей диссертации прошла очень гладко – я в основном слушала рассказы членов комиссии о том, как необычно и интригующе выглядит мой «рассказ» в свете того, что им пришлось узнать в Индонезии, Африке, Индии. Они ждут двух вещей – заострения всех аргументов («чего сказать-то хотела?»), и переложения их в книгу. Я надеюсь это сделать в мой первый год в Вышке.

– *Насколько трудным было воспринять русского человека, пусть и с другим жизненным опытом, другим набором событий и переживаний, как «другого»?*

– Помыслить как «другого» и в то же время как «своего» нужно любого человека. В то же время к моменту написания диссертации я уже около 12 лет жила за границей. Тем не менее мне было абсолютно очевидно, что ровно через два месяца пребывания в России, «в поле», я перестаю видеть то, что мне нужно увидеть, и не удивляюсь тому, чему нужно удивляться. Я решала эту проблему – просто уезжала и приезжала снова. Поэтому мое поле заты-

нулось, Канада стала для меня средством освежить вкусовые рецепторы. Сейчас ситуация другая, и это проблема. Все живущие в своих «локальностях» антропологи этим мучаются, и каждый решает по-своему, если решает. Как я и говорила, это работа над собой. Но в России легче потому, что она сама сильно меняется. Мы приехали в 2013 г., сейчас в 2016 г. это уже другая страна.

– *В чем особенность поколения перестройки? Как можем мы узнать людей из этого поколения, например, в своих родителях?*

– Я нас, потому что я тоже принадлежу к этому поколению, называю поколением «подростков перестройки». Очень важно определить, в каком историческом контексте сформировался человек в юности и молодости. Поколение рожденных в 1970-е уникально тем, что может осознанно ностальгировать по своему советскому детству. Но их только что сформировавшийся жизненный мир прошел испытание как абсолютной деморализацией, разворачиванием «хорошо-плохо» на 180 градусов, так и чисто бытовыми трудностями устройства на первую работу и создания семьи в 1990-е. К своим 40 годам эти люди видели три или четыре режима жизни. Это чрезвычайно легко приспосабливающиеся и прагматичные люди – они всегда смотрят, «как это работает на самом деле», и делают. Они ревниво относятся к своим аффективным ресурсам («моральному здоровью»), потому что менеджеры могут их воспринимать как «ленивых совков». Их можно назвать технократическими, беспринципными и аполитичными, но я бы скорее назвала их разочарованными идеалистами. Запрос на участие в истории – на создание мощных коллективных смыслов – у них очень сильный. Возможно, такой сильный, что его невозможно удовлетворить имеющимися политическими средствами. Это, конечно, вопрос, – в какой степени я только что описала наше население в целом? Не знаю. В мире недостаточно научных антропологических площадок, где такие разговоры могли бы постоянно идти. В Американской антропологической ассоциации от-

¹ Рис Н. Русские разговоры: культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

² Shevchenko O. Crisis and the Everyday in Postsocialist Moscow. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2008.

³ Keane W. Christian Moderns: Freedom and Fetish in the Mission Encounter. Vol. 1. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2007.

⁴ Oushakine S. The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia. Ithaca: Cornell UP, 2009.

⁵ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014.

⁶ Ssorin-Chaikov N. The Social Life of the State in Subarctic Siberia. Stanford: Stanford University Press, 2003.

дельными секторами представлены практически все регионы планеты, но нет того, к которому однозначно можно было бы отнести Россию. Есть сеть «Союз», но в ней сильны культурологические влияния. Есть меньшая по количеству участников Европейская ассоциация антропологов, но и там материалов по России не так много, если сравнивать с материалами по Индии, Китаю, Бразилии, Индонезии, Африке в рамках Американской антропологической ассоциации. Создается впечатление, что социально-политически у нас тут или ничего не происходит, или все предсказуемо, а символические и культурные формы не отличаются богатством вследствие «тяжелого» унифицированного советского прошлого. Это не так, но занимаются этим единицы, потому доказать обратное невозможно.

– *Повлияло ли на ваши взгляды, интересы, идеи образование в области антропологии?*

– Я начну издали, а именно с вопросов о методологии. В среде социологов высока степень недоверия друг к другу именно в разрезе «покажи, как это было сделано». Это такая кантская этика: есть набор императивов, им нужно следовать или иметь очень веские основания, чтобы их нарушить (если вообще возможно). У антропологов в методологии – этика добродетели. На курсах методологии нас учат добродетели через разбор конкретных, признанных «хорошими» этнографий, как добродетели учат через жития святых. Конечно, есть и правила – тот же кодекс Американской антропологической ассоциации. Там, например, прописана строгая процедура получения «информированного согласия» (*informed consent*). В то же время есть огромное количество литературы об этичности требования информированного согласия и перекладывания ответственности за случившееся с антрополога на информанта (потому что именно так и можно понять «информированное согласие»). Одно правило соблюдается большинством антропологов: твоя лояльность и твой долг прежде всего – перед информантом. Примерно как у журналистов, кото-

рые не сдают свои источники. Методички типа «как вести дневник», «где лучше применять структурированное интервью» есть, но это уже по выбору. Мне, например, очень понравилась книга Ильина «Драматургия качественного полевого исследования»⁷ и «Качественные методы» под редакцией Левинсона, Шанина и др.⁸ А в целом – «иди в поле, не грши и поступай по совести и согласно ситуации».

Теперь возвращаясь к вопросу. Этику добродетели невозможно освоить, не став добродетельным, не изменив свою субъективность. В этом смысле антрополог – это даже не призвание. Происходит очень сильная профессиональная деформация, более того, она приветствуется и считается необходимой в любой самой крайней степени. Честное слово, это секта! Но есть и обратный вопрос – а кто приходит в антропологию? Здесь большой процент людей, имеющих опыт слома или отчуждения. Это люди, которым в силу опыта пришлось пересекать границы – классовые, географические, языковые, сексуальные. Получив работу в «Уралкалии», я пересекла и географическую границу, и границу класса.

– *Могут ли социологи и антрополог понять друг друга? В чем будет сходство их взглядов, а в чем они никогда не договорятся?*

– Я не знаю достаточно о социологии, чтобы судить об этом. Есть три главные установки антропологии, о которых многие социологи знают. Во-первых, у антропологов ценится хотя бы попытка говорить из позиции, которая не укоренена безнадежно в евро-американской традиции и с позиции человека среднего класса. Поэтому мы с меньшим пиететом и большей свободой обращаемся с евро-американской социальной философией – для нас она одновременно и что-то истинное, но также и «рациональность в контексте». Мы

⁷ Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006.

⁸ Штейнберг И. и др. Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб.: Алетей, 2009.

не спорим до хрипоты, был ли прав Гоббс в своем видении общества, мы используем язык и взгляды Гоббса, чтобы понять и интерпретировать жизненные миры (*life-worlds*) тех, кого мы изучаем. Во-вторых, мы уделяем равное внимание словам и поступкам людей, сравнивая их между собой, но при этом, мне кажется, антропологи больше доверяют своим респондентам. Возможно, это издержки методологии – длительное поле делает твоих информантов более близкими тебе людьми. В-третьих, половина нашей работы заключается в помещении данных в контекст самой локальности, в которой люди делают и говорят. Какие другие варианты поведения могли бы быть доступны тому же человеку, в том же месте и времени? Кто его враги, друзья, родственники и учителя, каков климат в его окружении, каков более широкий исторический и социальный климат? Насколько эти установки симпатичны социологам – не мне судить, тем более, что социологи тоже все разные.

– *Социологи часто критикуют экономистов за «империалистические» замашки, хотя и сами признают за собой такую тягу в 1980-х годах. После того как «островная антропология» получила какое-то насыщение знаний и антропологи «вернулись на материк», объектом их внимания стала окружающая действительность. Можно ли говорить о каком-то «антропологическом империализме»?*

– Антропологи действительно знамениты всеядностью – из-за установки на контекст мы изучаем все, что имеет отношение к людям, а мало что не имеет к ним отношения. Геологи, кстати, недавно постановили, что мы живем в новой геологической эпохе под названием «антропоцен». Интересно также, что антропологи в целом следят за развитием философии, и все мы знаем, что популярные ныне направления ее развития антиантропологичны, если иметь в виду «антропос» – человека. Спекулятивный реализм, например, четко показывает мне, что отношения окна и дождевой капли не менее важны и значительны, чем отношения людей к друг другу, или

отношения людей к этому самому окну и этой самой капле (как объясняют другие философы, адепты «новой материальности»). Если в новой материальности антропологичность еще можно обнаружить, то на подходе к отношениям капли и окна антропология кончается. С другой стороны, мы делаем ровно обратное тому, что делают, как вы говорите, экономисты. Антропология изначально и до сих пор ставит своей задачей освещение и изучение *разнообразия* способов жить, быть человеком. Причем не только реально существующих, но и существующих в воображении разных людей в разных местах и временах. В разных отношениях с разными каплями и окнами.

– Существует ли публичная антропология? Способен ли антрополог изменить что-то через свои исследования?

– Публичная антропология существует (*public anthropology*), как существует и призыв к популяризации антропологического знания. За это есть специальные призы, есть группы энтузиастов, это поощряется. Так как антропологи очень часто имеют дело с маргинальными группами населения, это очень политизированная дисциплина, особенно после 1980-х годов. Она также довольно «левая» – в Университете Торонто в профсоюзных студенческих организациях не было более активных студентов, чем антропологи и географы, наши дисциплинарно близкие родственники. Есть также прикладная антропология, и в целом прикладные аспекты различных тем. Политический антрополог может заниматься, и, как правило, занимается юридической поддержкой своих информантов, если они, например, коренные поселенцы, которые борются за свои земли с местными нефтяными или алмазными компаниями. Или если антрополог работает в лагере беженцев. Или если он, как Филип Бургуа, на протяжении десятилетий изучает наркозависимых США⁹, чтобы и сделать

⁹ Bourgois P., Schonberg J. *Righteous Dopefiend*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2009.

теоретические «вбросы» в антропологию, и дать совет тем чиновникам, ведущим «war on drugs»¹⁰. Есть и в принципе очень прикладные направления – медицинская антропология, главной темой которой является влияние различных факторов на человеческое здоровье и то, что называется *well-being*. При этом трудно удержаться – да и зачем – от критики того, что происходит в системах здравоохранения во всем мире. Политическая экология так же является довольно прикладной субдисциплиной антропологии, и так же и публичной, и так же и – сюрприз! – политически активной. Кстати, у нас в КБ «Стрелка» очень успешно работает антрополог Михаил Алексеевский, на полях нашей урбанистики. Возможно, он не влияет на политику Москвы, но точно участвует в разработке ее *policies*¹¹.

– Хотели бы вы что-то изменить своим исследованием о поколении перестройки?

– Я точно не задаю своим исследованием никакой нормативной программы. Очень надеюсь, что мой голос не звучит из точки либерального, слегка левого, уютно устроившегося западного – или российского – академика, который с симпатией и пониманием, но все же с сожалением, смотрит на «все эти российские потуги и противоречия». Что изменить – что и любому академику в России: начать новый разговор с новых позиций. У нас очень мало по-настоящему разных позиций, смыслов, этического, политического и экономического воображения в общественном дискурсе, да и в академическом тоже. В этом смысле ни одна страна в мире, как мне кажется, так не нуждается в армии антропологов, как Россия.

**Беседовала
Елена Гудова**

¹⁰ Официальный термин в политике США, описывающий многолетнюю государственную кампанию по борьбе с наркоторговлей и употреблением наркотических веществ внутри страны и на международном уровне

¹¹ Здесь понимается как «административные постановления, принципы построения городской среды». – *Примеч. автора.*

Кеннет Дисон

профессор в области политики Университета Кардиффа, автор книг и статей по европейской политике

Перевод с англ. Глеба Новикова

История европейского долга – это поучительный рассказ о мощных стимулах, побуждающих домохозяйства, компании и государства «жить не по средствам». Это давно известные импульсы, однако их влияние возросло вместе с уровнем финансового и экономического развития, сопровождавшего зарождение и расцвет капитализма, вместе с интеллектуальной иллюзией финансового контроля, подпитываемой престижем естественных наук, вместе с коммерциализацией социальных отношений и коллективным стремлением жить в обществе изобилия, а также вместе с результатами растущей политической инклюзивности и призывами к солидарности относительно государственных финансов. В результате долг стал огромным фактором риска как для европейских государств, так и для процесса европейской интеграции. Этот риск распространяется далеко за пределы *бюджетных средств и включает дестабилизирующую роль банков в денежной эмиссии и кредитной политике*².

¹ Источник: Dyson K. *Is Debt the Achilles Heel of Europe?* URL: http://www.booksandideas.net/IMG/pdf/20150716_dyson_debt.pdf. Опубликована 16 июля 2015 г.

² Эта статья является записью ежегодной лекции имени Жана Монне, прочитанной в Университете Халла во вторник 5 мая 2015 г. Те, кому интересно более глубокое исследование этих вопросов, могут обратиться к работе Дисона, см.: Dyson K. *States, Debt, and Power: 'Saints' and 'Sinners' in European History and Integration*. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Долг – ахиллесова пята Европы?¹

Долг – ахиллесова пята Европы? Можно ли сделать его менее опасным? Эти общие вопросы необходимо разложить на несколько более конкретных. Какого рода проблемой является долг? О каком и о чем долге идет речь? Достаточно ли у государств желания и возможностей гарантировать, что кредиторы и должники несут ответственность за свои решения? И можно ли обеспечить соответствующий контроль над соблюдением обязательств?

Какого рода проблемой является долг?

Является ли долг проблемой? Для оголтелых потребителей и гедонистов ответ, вероятно, будет отрицательным. В остальных же случаях он будет гораздо менее однозначным. С одной стороны, финансовое развитие идет рука об руку с экономическим ростом. Долг обеспечил фундамент для инвестирования и повышения благосостояния. С другой стороны, пузыри банкротства, в первую очередь на рынках недвижимости и жилья, преподносят исторические свидетельства в пользу опасности долга. Избыточное банковское проциклическое³ кредитование привело к повторяющимся финансовым и экономическим кризисам. Эта двойственность предполагает различие между «хорошим» долгом, связанным с инвестированием в повышающую производительность инфраструктуру, и «плохим» долгом, связанным, помимо прочего, со «стадным» поведением на финансовых рынках. Это различие заложило основу контраста между теоретиками государства развития (Александр Гамильтон, Клод Сен-Симон, Лоренц фон Штейн и Адольф Вагнер) и теоретиками самообязывающего государства⁴, которые отдавали предпочтение жесткой регулируемой фискальной и монетарной политике и строгому контролю кредитования (австрийская школа, Томас Джефферсон, Дэвид Юм, Давид Рикардо и Жак Рюэф).

Проблема долга стала рассматриваться не только в рамках социальной и политической философии как проверка или маркер моральных качеств, а как арифметическая задача. Осмысление литературы положило начало построению математических моделей и шаблонным техническим подходам к расчету приемлемого уровня долга. Они породили достаточно скрупулезные правила в отношении дефицитов и долга, а также предсказатель-

ную логику кредитных рейтинговых агентств и рынков. Два правила достигли выдающегося положения, если не печальной известности: Маастрихтский договор и Пакт стабильности и роста, согласно которым дефицит бюджета не должен составлять более 3% ВВП, а государственный долг – более 60% ВВП⁵, и правило Рейнхарт и Рогоффа о 90% соотношении государственного долга и ВВП, после которого возникают негативные эффекты на рост ВВП⁶. Они повлияли на господствующие в период кризиса нарративы о долге, став отправной точкой для не всегда очевидных доводов в пользу приемлемости той или иной роли государства.

Но, несмотря на эту веру в расчеты и моделирование, долг остается, по существу, моральной проблемой, подверженной различным формам социального конструирования и принимающей форму тяжелого, ценностно нагруженного выбора. Его моральная природа проявляется в лингвистике: долг и вина – синонимы в группе германских языков. В истории эта природа находит выражение в законах о ростовщичестве и долговых тюрьмах. Тема долга является одной из основных в художественной литературе, примеры можно найти в творчестве Бальзака, Чехова, Диккенса, Гете и Шекспира. При рассмотрении долга нельзя избежать проблем справедливости распределения (*distributive justice*). Как должно распределяться бремя между безответственными, беспомощными, легковверными и невинными? Немаловажно, что нарратив долга поднимает проблему «святых» и «грешников», причем последними чаще становятся должники, чем кредиторы. Адам Смит стремился укрыться за понятием безликого наблюдателя. Он отрицал как презрение кредитора к должнику, так и злобу должника по отношению к кредитору. Вместо этого

⁵ «Договор о Европейском союзе» (Treaty on European Union, TEU) был подписан в 1992 г. в городе Маастрихт. Согласно этому договору, для вступления в Европейский валютный союз страна должна удовлетворять определенным критериям, среди которых находятся указанные соотношения. См. ст. 104с Договора и ст. 1 Протокола о процедуре чрезмерного дефицита (URL: https://europa.eu/european-union/sites/europaeu/files/docs/body/treaty_on_european_union_en.pdf). «Пакт стабильности и роста» (Stability and Growth Pact, SGP) был подписан в Амстердаме в 1997 г. и закрепил эти положения (URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1412156825485&uri=URISERV:l25021>). – Примеч. перев.

⁶ Имеется в виду известная работа экономистов Кармен Рейнхарт и Кеннета Рогоффа, в которой они вывели эмпирическую закономерность: после превышения уровня государственного долга в 90% ВВП экономический рост страны замедляется (см.: Reinhart C.M., Rogoff K.S. Growth in a Time of Debt // American Economic Review. 2010. Vol. 100. No 2. Pp. 573–578). Этот результат вызвал широкое обсуждение в научной и публицистической сферах и спустя некоторое время был подвергнут критике: в анализе были найдены ошибки (см.: Herndon T., Ash M., Pollin R. Does High Public Debt Consistently Stifle Economic Growth? A Critique of Reinhart and Rogoff. Cambridge Journal of Economics. 2014. Vol. 38. No 2. Pp. 257–279, а также ответ К. Рогоффа – http://scholar.harvard.edu/files/rogoff/files/faq_on_hap_update.pdf). Лапидарное освещение этой проблемы можно найти в статье Сергея Гуриева и Олега Цывинского (см. Гуриев С., Цывинский О. Ratio economica: Рейнхарт и Рогофф по-прежнему правы. // Ведомости. 23 апреля 2013). – Примеч. перев.

³ Термин «проциклический» употребляется в отношении количественных показателей, которые положительно коррелируют с общим состоянием экономики (фазой экономического цикла). – Примеч. перев.

⁴ Идеи самообязывающего государства (self-binding state) и «самообязывания» в целом (binding of oneself) восходят к работам Юна Эльстера. Он использует метафору Одиссея, повелевшего спутникам привязать себя к мачте, когда корабль проплывал мимо острова сирен, для анализа ситуаций ограниченной рациональности, в которых агент (например, государство) осведомлен о возможности своего нерационального поведения. См., например Elster J. Ulysses and the Sirens. Cambridge: Cambridge University Press, 1979; Elster J. Ulysses and the Sirens: A Theory of Imperfect Rationality // Social Science Information. 1977. Vol. 16. No 5. Pp. 469–526. – Примеч. перев.

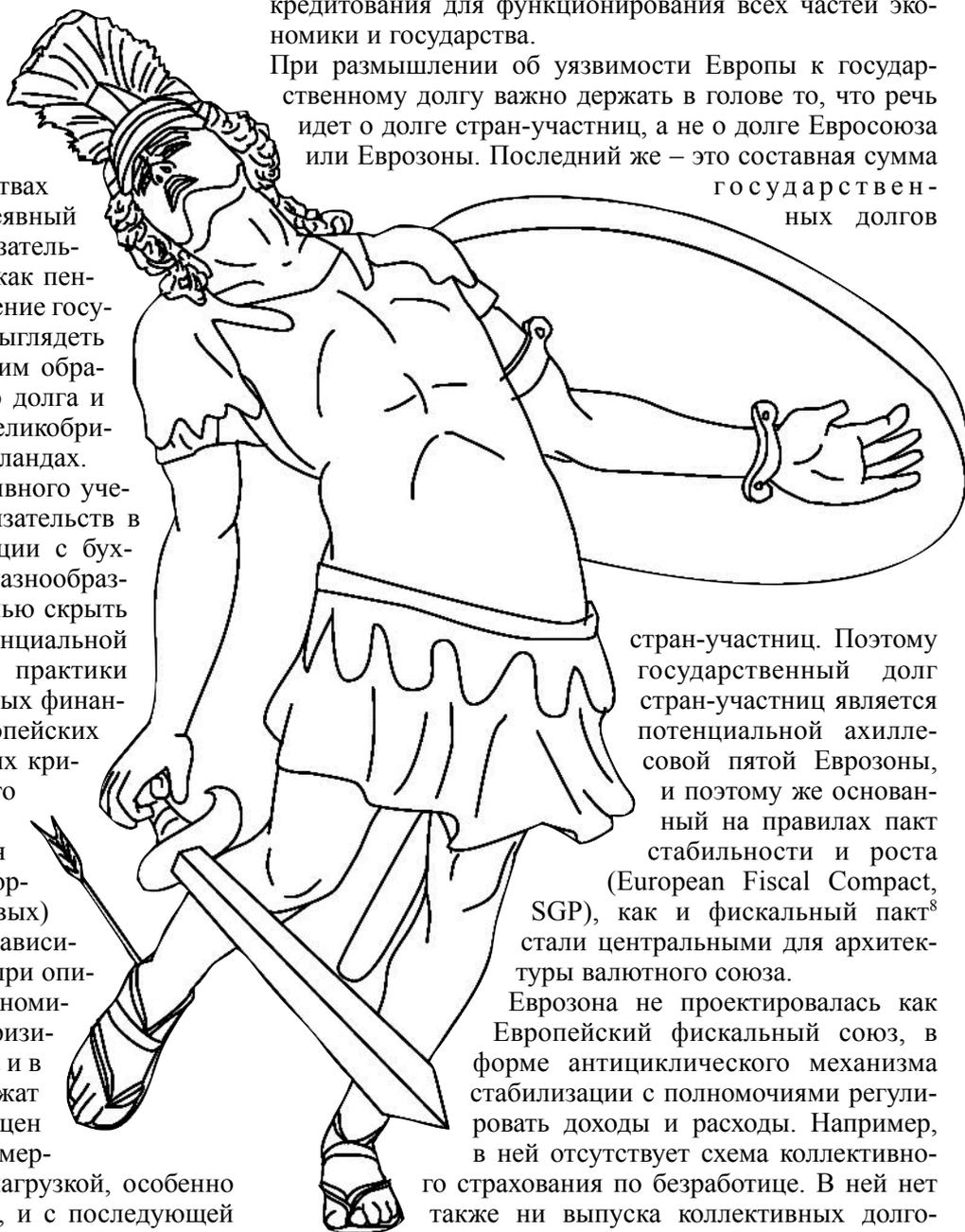
Смит подчеркивал взаимное уважение достоинства и чести как основу для взаимоотношений. В этом смысле он был «пионером» в понимании долга как добровольной транзакции между индивидами, стремящимися максимизировать полезность, а не как отношений зависимости, включающих моральные ценности.

О каком и о чьем долге мы говорим?

При рассуждениях о долге мы сталкиваемся с тремя рисками. Во-первых, акцент ставится скорее на явном долге, чем на обязательствах в целом. Однако если прибавить неявный долг, особенно необеспеченные обязательства по социальной защите, такие как пенсии и социальная помощь, соотношение государственного долга и ВВП начнет выглядеть более тревожно. Рассчитанные таким образом соотношения государственного долга и ВВП превысят 200% в Бельгии, Великобритании, Франции, Германии и Нидерландах. Во-вторых, долг страдает от креативного учета⁷, в том числе от утаивания обязательств в бухгалтерском балансе. Манипуляции с бухгалтерским балансом включают разнообразные хитрости, разработанные с целью скрыть проблемы с ликвидностью и потенциальной платежеспособностью. Подобные практики распространились от государственных финансов Греции до американских и европейских инвестиционных банков, затронутых кризисом субстандартного ипотечного кредитования 2007–2008 гг. В-третьих, долг – это комплексная проблема долгов домохозяйств, корпораций (финансовых и нефинансовых) и государства со сложными взаимозависимостями. Эта идея имеет значение при описании недавнего финансового, экономического и суверенного долгового кризиса. В большинстве стран Евросоюза и в Соединенных Штатах его истоки лежат в «буме» и последующем «спаде» цен на активы, сопровождавшихся чрезмерными кредитованием и долговой нагрузкой, особенно на рынках недвижимости и жилья, и с последующей затяжной дефляцией. Банки уязвимы для долгов домохозяйств и корпораций; государственные финансы, в свою очередь, уязвимы для банковского кризиса, банки же сами затем становятся уязвимыми для государственного долгового кризиса, поскольку владеют облигациями федерального займа. Эти объятия банков и государств потенциально смертельны. Запоздалых усилий Европейского банковского союза оказалось недостаточно, чтобы разомкнуть их и подвергнуть крупнейшие

банки Евросоюза согласованной проверке качества активов и стресс-тестированию на неблагоприятные сценарии, а также сформировать зачатки основанного на распределении бремени механизма урегулирования споров между транснациональными банками. Кризис лишь подчеркнул, насколько ключевой была роль банковского кредитования для функционирования всех частей экономики и государства.

При размышлении об уязвимости Европы к государственному долгу важно держать в голове то, что речь идет о долге стран-участниц, а не о долге Евросоюза или Евросоюза. Последний же – это составная сумма государственных долгов

стран-участниц. Поэтому государственный долг стран-участниц является потенциальной ахиллесовой пятой Евросоюза, и поэтому же основанный на правилах пакт стабильности и роста (European Fiscal Compact, SGP), как и фискальный пакт⁸ стали центральными для архитектуры валютного союза.

Евросоюз не проектировалась как Европейский фискальный союз, в форме антициклического механизма стабилизации с полномочиями регулировать доходы и расходы. Например, в ней отсутствует схема коллективного страхования по безработице. В ней нет также ни выпуска коллективных долговых обязательств (еврооблигаций), ни их выплаты в ситуации наследственных долгов (*legacy debts*), ни управления коллективным долгом. Отсутствие всех этих механизмов отражает страх морального риска: у стран-участниц может быть недостаточно мотивов, чтобы брать на себя ответственность за решение фискальных и структурных проблем. Это также отражает страх перед «трансфертным союзом», в котором

⁷ Под креативным учетом понимаются легальные практики использования бухгалтерами своих профессиональных знаний для повышения внешней привлекательности отчетности. – *Примеч. перев.*

⁸ Фискальный пакт был подписан всеми странами ЕС, кроме Великобритании и Чехии, в 2012 г. На минимальный уровень дефицита бюджета были наложены дополнительные ограничения, и Суд ЕС получил право накладывать штрафы на страны, не соблюдающие установленные критерии. – *Примеч. перев.*

обязательства будут накапливаться у стран-кредиторов вроде Германии. Однако вопрос о том, может ли быть стабильным валютный союз, где такие страны отсутствуют, остается открытым.

Власть государств и финансовые рынки

Государства сталкиваются с непомерными трудностями, курируя и регулируя финансовые рынки, а также контролируя то, на какие цели и в каком объеме банки дают кредиты. Эти проблемы включают размер, техническую сложность и непрозрачность банков и их деятельности, возможность вывести банковскую деятельность по предоставлению займов в «теневой» сектор и пандемический характер волнений на финансовых рынках различных стран (*financial contagion*) в цифровом мире. Немаловажно, что логика рынка нарушается, как только банки становятся «слишком большими, чтобы рухнуть» – в хорошие времена приватизируются прибыли, в плохие времена коллективизируются убытки. Однако проблема находится глубже: в вере, что банки стабилизируют экономику, и игнорировании их решающей роли в кредитовании и эмиссии, носящих проциклический характер и ведущих к бумагам и спадам цен на активы.

Сложности курирования и регулирования финансовых рынков усугубляются проблемами коллективного действия, у государств есть мотивы вмешиваться в регулирование и механизмы налогообложения с целью захвата финансовых рынков. Кроме того, цифровизация (*digitalization*) и глобализация финансовых рынков привели к рассинхронизации рыночного и политического времени – рынки движутся быстрее. Это развитие усугубило проблему «животных духов» — той скорости, с которой «стадное» поведение на финансовых рынках обрушивается на государства, делая их уязвимыми к приступам алчности, страхов и паники. Эта проблема приобрела большой масштаб с тех пор, как Джон Мейнард Кейнс писал о ней в межвоенный период. Свое воплощение проблема «животных духов» нашла в Лондонском Сити и на Уолл-Стрит⁹.

Государства вынуждены работать с мощными инструментами, которыми владеют финансовые агенты. Финансовые лобби плодят и множат драматические истории о негативных макроэкономических последствиях плотного курирования и жесткого регулирования, таких как требования к уставному капиталу и раскрытие информации. Финансовые учреждения практикуют регулятивный и налоговый арбитраж¹⁰, угрожая перейти под более податливые юрисдикции. Они злоупотребляют непрозрачностью и креативным учетом, чтобы скрыть свою кредиторскую деятельность. Банки не просто дают в долг депонированные деньги вкладчиков, они создают

⁹ Возможно, подразумеваются акции протеста «Захвати Уолл-Стрит» в Нью-Йорке (2011 г.) и против саммита «Большой двадцатки» в Лондоне (2009 г.) – *Примеч. перев.*

¹⁰ Арбитраж – последовательность сделок, имеющая целью извлечение прибыли из разницы в ценах на активы либо в пространстве (разные рынки), либо во времени (изменение цен). Если прибыль извлекается вследствие различного нормативного регулирования рынков, арбитраж называется регулятивным; если источником прибыли является различная налоговая ставка – то налоговым. – *Примеч. перев.*

депозиты, когда предоставляют займы, тем самым увеличивая денежную массу. Этот макроэкономический аспект их деятельности остается скрытым из виду.

В этих асимметричных отношениях власти государства стремятся застраховаться от финансовых рынков, полагаясь на меры, способные выстроить доверие к их авторитету. Одним из элементов этого выстраивания является наделение определенных инвестиционных банков «инсайдерскими» привилегиями за счет формализованной системы первичных дилеров¹¹. Эти банки получают особые привилегии в обеспечении государственного долга и в управлении им. В этом смысле политически более заметной стала опора государств на центральные банки как на привилегированных посредников между ними и финансовыми рынками. Государства попытались выстроить доверие на финансовых рынках, сделав центральные банки независимыми от политики. Так, например, поступило правительство Блэра в Великобритании в 1997 г. Однако центральные банки были далеки от независимости финансовых рынков. Это оказалось важным, когда банки сыграли столь ключевую роль в кредитовании и объеме денежной массы, а также когда от центральных банков потребовалось играть более активную роль в курировании и регулировании банков.

Политическая воля и государственные возможности

Политические элиты обнаруживают сильную склонность поощрять долг как частный, так и государственный. Мощное сочетание идеологии, клиентелизма и электоральной стратегии задает политический бизнес-цикл, а конкурентная электоральная политика подталкивает вверх уровни бюджетного дефицита и государственного долга. На более общем уровне правительства вынуждены смириться с политикой кредитной экспансии, успокаивающей общественность, так что уроки от взрывов цен на активы вскоре забываются.

Однако необходимы два уточнения. Во-первых, есть свидетельства, что та же общественность политически не одобряет накопление государственного долга, если только речь не идет о мощных и доверительных нарративах чрезвычайного положения, таких как геополитическая угроза или война. Во-вторых, приемлемость уровня долга и избегание дефолта несильно коррелирует с тем, что правительство сформировано правой партией или партией большинства. И коалиционные (как в Германии и в Нидерландах), и левые (как в Скандинавии) правительства также способны обеспечивать бюджетную дисциплину.

Отдельная и повсеместная проблема – это слабая способность государств использовать кредит продуктивно и соблюдать фискальные правила. Эта проблема встает

¹¹ Система первичных дилеров – это способ управления государственным долгом и распоряжения государственными ценными бумагами, при котором компания или несколько компаний становятся первичными дилерами (*primary dealers*) и получают возможность и обязанность торговать государственными ценными бумагами, обеспечивая им максимальные цену и ликвидность, а также стимулируя конкуренцию на рынке. Первичные дилеры – это маркетмейкеры, действующие от имени государства. – *Примеч. перев.*

особенно остро в большинстве стран Южной Европы, особенно на Балканах. Она выражается в политическом клиентизме и коррупции в больших и расточительных странах, которые не справляются с предоставлением общественных благ. В этих случаях приемлемость уровня долга становится критически важной.

Долг и будущее Европы

В противовес этой исходной уязвимости к динамике долга государства нуждаются в создании и возможности применения мощных побудительных структур для ответственного поведения кредиторов и должников. Им также следует перейти от шаблонных фискальных правил к более гибкому (*contingent*) подходу, позволяющему застраховаться от фискальных рисков. Проблемы не ограничиваются Еврозоной. Однако в силу ее асимметричной конструкции (монетарный, но не фискальный союз), а также гетерогенности ее экономической структуры, проблема стоит более остро. В контексте этой гетерогенности шаблонная монетарная политика Европейского центрального банка (ЕЦБ) в течение первой декады евро привела к существенным различиям в реальных процентных ставках: они были слишком малы в Греции, Ирландии и Испании и слишком велики в Германии. Итогом стал мотив к чрезмерной кредитной экспансии в этих странах на периферию еврозоны.

В общих чертах, долг можно обезопасить только структурами и стратегиями, налагающими ответственность на беспечных кредиторов и беспомощных должников, а также усилением контроля над тем, в каком объеме и на какие цели банки дают в долг. Необходимо дисциплинировать кредиторов жесткими, связанными с риском правилами в отношении количества и качества их капитала, включая правила владения государственным долгом. Их также необходимо дисциплинировать механизмом *bail-in*¹² во время банковского кризиса. Должников необходимо дисциплинировать реструктуризацией долга с учетом условий, повышением финансовой грамотности и прекращением облегчения долгового бремени через льготное налогообложение. Но не менее важно предоставлять защиту наивным и легковверным, защищая потребителей от мошенничества, повышая правовую ответственность директоров банков и огораживая определенные программные расходы от сокращений.

Конкретно в случае валютного союза невозможно будет избегать как реструктуризации долга, так и его распределения (*mutualisation*), по крайней мере, в долгосрочной перспективе. Еврозона нуждается в таких средствах стабилизации экономических циклов, как выпуск долговых обязательств, если они смогут застраховать ее от

экономических и политических угроз ее сплоченности и выживанию. Учреждение кредитора последней инстанции¹³ может превратить Европейский стабилизационный механизм¹⁴ в Европейский валютный фонд¹⁵, усовершенствовать Единый фонд финансовой поддержки¹⁶ и отдельную схему гарантии вкладов внутри Европейского банковского союза, равно как и активное использование ЕЦБ программ прямых денежных операций (ОМТ)¹⁷ и количественного смягчения (QE)¹⁸.

Однако распределение долговых обязательств создает сложные политические и интеллектуальные задачи, которые нельзя решить с помощью прежних уловок. Во-первых, независимые силы, увеличивающие государственные доходы (*revenue-raising powers*), и поддержка бюджетных трансфертов требуют соответствующих структуры Европейского политического союза и культуры политической солидарности. Достаточно сомнительно, что это окажется практичным для политики. Во-вторых, подобные изменения зависят от совершенствования мер предотвращения сопутствующих моральных рисков. В финансовом секторе эти меры включали бы банковскую реструктуризацию и решение проблемы «слишком больших, чтобы рухнуть», ужесточение пра-

¹³ Кредитор последней инстанции (*lender of last resort*) – Центральный банк, выполняющий функции поддержки кредитных учреждений в ситуации кризиса за счет обеспечения ликвидности (ЦБ имеет такую возможность, поскольку именно он является эмитентом денег). – *Примеч. перев.*

¹⁴ Европейский стабилизационный механизм (European Stability Mechanism, ESM) – это межправительственная организация, основанная в 2012 г. для предоставления поддержки странам-участникам, испытывающим финансовые трудности. Чтобы получить поддержку ESM, страна должна подписать Меморандум о взаимопонимании, полностью ратифицировать фискальный пакт и пройти оценку со стороны Европейской комиссии, ЕЦБ и МВФ. – *Примеч. перев.*

¹⁵ Проект создания Европейского валютного фонда как международной валютно-финансовой организации был впервые разработан в 1981 г., но остался нереализованным. Новая волна обсуждения началась в 2010 г. – *Примеч. перев.*

¹⁶ Единый фонд финансовой поддержки (Single Resolution Fund) является наряду с Единым агентством по работе с проблемными банками (Single Resolution Authority) одним из двух подразделений Единого механизма работы с проблемными банками (Single Resolution Mechanism, SRM), который, в свою очередь, и начал работу в 2014 г. и стал одним из ключевых институтов Европейского банковского союза. Подробнее о структуре и задачах Европейского банковского союза см.: Серегина С., Ларионова М. Становление европейского банковского союза и «кипрская антикризисная модель» // Российский экономический журнал. 2013. № 6. С. 83–91; Серегина С., Ларионова М. Становление европейского банковского союза и «кипрская антикризисная модель» (окончание) // Российский экономический журнал. 2014. № 1. С. 40–65. – *Примеч. перев.*

¹⁷ Прямые денежные операции (Outright Monetary Transactions, ОМТ) – мера по преодолению долгового кризиса, проводимая ЕЦБ с 2014 г., в ходе которого ЕЦБ скупал государственные облигации стран-участниц на вторичном рынке. – *Примеч. перев.*

¹⁸ Количественное смягчение (Quantitative easing, QE) – политика, проводимая центральными банками, когда ЦБ скупает активы у финансовых организаций и тем самым увеличивает предложение денег. Если цель ОМТ – стерилизация денежной массы, то цель QE – стимулирование экономики. – *Примеч. перев.*

¹² *Bail-in* – механизм, при котором оздоровление проблемного банка осуществляется за счет средств клиентов (кредиторов третьей очереди): их вклады принудительно конвертируются в акции. Иными словами, *bail-in* является альтернативой как государственной поддержке банка, так и отзыву лицензии. Успешный опыт введения *bail-in*'а имеется у Кипра; в России эта тема получила широкое обсуждение в начале 2016 г. в связи с высказываем председателем ЦБ Эльвирой Набиуллиной о возможности введения этого механизма в России (см., например, Борисак Д., Еремина А. Доверяешь – спасай // Ведомости. 20 января 2016; Макаров О., Артемьев А. Вкладчики-спасители: как работает *bail-in* в США и Европе. РБК. 3 февраля 2016). – *Примеч. перев.*

Гражданин социолог

Татьяна Ларкина
магистрант Московской школы
экономических и социальных
наук, стажер-исследователь
Лаборатории экономико-
социологических исследований

вил капитала¹⁹ и bail-in'ы. Меры также предусматривали бы усиление правового надзора в сфере политики бюджетных и структурных реформ стран-участниц. Фискальный, равно как и банковский, суверенитет должен быть передан Еврозоне. Кроме того, ЕЦБ и национальным центральным банкам Евросистемы необходимо решить проблему банковского кредитования и ее потенциально дестабилизирующую роль.

Наконец, политике ЕС и Еврозоны необходимо признать, что приемлемый уровень долга требует чего-то большего, чем просто фискальные правила Маастрихта-SGP и фискальный пакт. Для этого потребуются оценка бюджетных резервов стран-участниц в условиях целого спектра потенциальных рисков. Эти риски включают геостратегическую уязвимость (принимая во внимание частую связь войны и долга на протяжении истории), риски возникновения новых ценовых пузырей в отдельных секторах (строительство, финансы), а также масштаб неявных и зависящих от демографии обязательств, например, в здравоохранении, пенсиях, социальной помощи. Бюджетные резервы выглядят угрожающе бедными по отношению к обозначенным рискам.

1 апреля 2015 г. Йенс Вайдманн, президент немецкого Бундесбанка, сказал: «Долг как кислород: необходим для экономической жизни, но когда происходит передозировка, вы сначала кайфуете, а затем теряете сознание». Эта метафора хорошо отражает иллюзию, высокомерие и самодовольство, вызываемые долгом на протяжении веков, и их печальные последствия. Они сопровождали разработку и первые годы введения евро в обращение. Если ослабить бдительность, они вернуться. ЭЭ

¹⁹ Правила капитала (*capital rules*), в частности, правило чистого капитала (*net capital rule*) – это правило, требующее от дилеров и брокеров фиксировать стоимость ценных бумаг, а также устанавливать стоимость их займа в соответствии с риском. Эти ограничения должны ограничить потенциальную силу финансовых рычагов. Смягчение правил капитала для крупных участников рынка в США в 2004 г. иногда называется в качестве одной из причин финансового кризиса 2008–2009 гг. – *Примеч. перев.*

Статья эта адресована в первую очередь тем студентам, которые оказываются дезориентированными в момент обучения на социологическом факультете, у которых пропадает понимание того, зачем грызть гранит социологической науки и зачем в принципе эта наука нужна. Как мне кажется, одной из причин дезориентации учащихся является преподавание им социологии в качестве ценностно-нейтральной (*value-free*) дисциплины, а принятие принципа ценностной нейтральности отчуждает социального ученого от общества и обезличивает его фигуру. И этот взгляд на социальную науку подается как единственно возможный, хотя существуют и другие ее типы, внутри которых есть место критическим и моральным суждениям. Задача этого текста – помочь студентам социологического факультета обрести «землю под ногами» и развеять их сомнения по поводу роли социолога в жизни общества.

Во имя науки?

По мнению Алвина Гоулднера, социология, свободная от ценностных суждений, – проект, в свое время пролоббированный Максом Вебером и подхваченный впоследствии рядом других социологов. Выживанию и распространению этого проекта способствовала его полезность в поддержании единства и автономии современного университета и новой социальной науки. Вебер сетовал на

особенность немецкой академической системы, где вознаграждение профессора зависело от вовлеченности студентов в занятия, в отличие от США, где применялся критерий публикационной активности. Такая система поощряла преподавателей, которые, по замечаниям Вебера, высказывали оценочные суждения на собственных занятиях, потакая интересам студентов, и ставила в невыгодное положение хороших исследователей, проигрывающих конкуренцию за слушателей. Так, принцип ценностной нейтральности рассматривался в качестве способа избежать конкурентной борьбы профессоров и позволил установить перемирие в академическом доме¹.

Принцип ценностной нейтральности в некоторой степени «развязал руки» социологии, сделав ее свободнее от влияния органов государственного управления, политических партий и общества. Он содействовал интеллектуальному развитию социологической науки, отгородил ученых от гражданской повинности и нравственной навязчивости локальной культуры, но морально дезориентировал социологов. Принятие нейтралитета может обернуться для социального исследователя гражданским остракизмом и снижением (или отсутствием) критического запала по отношению к обществу².

В самом деле, социологи не занимаются только лишь наукой ради науки или проведением маркетинговых исследований путем приложения инструментального знания, не задумываясь и не переживая о конечных целях общества. Социологическая наука, поражая своим внутренним многообразием, также включает рефлексивное знание, которое «задает вопросы о ценностных ориентирах общества и нашей профессии»³ и образует ее «совест-

¹ Gouldner A.W. Anti-Minotaur: The Myth of a Value-Free Sociology // *Social Problems*. 1962. Vol. 9. No. 3. Pp. 200–203.

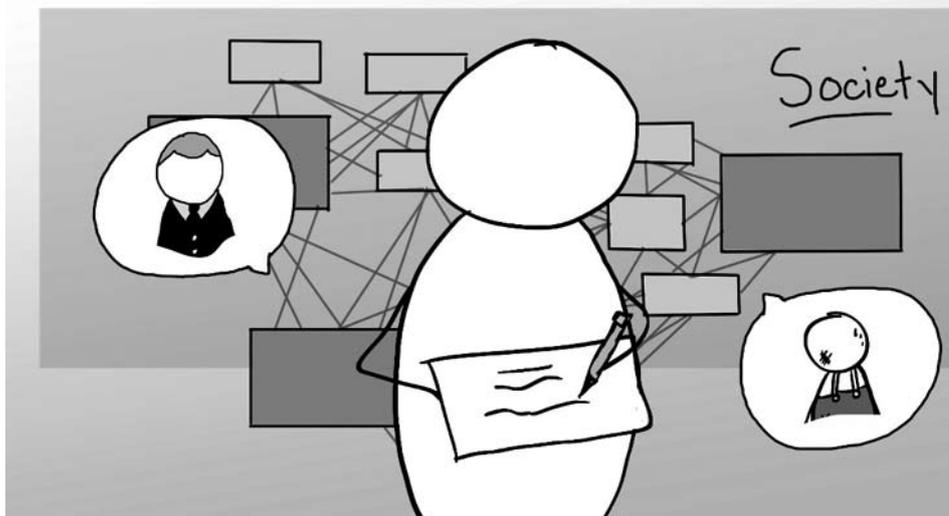
² Ibid. Pp. 203–207.

³ Буравой М. За публичную социологию // *Общественная роль социологии*. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ. С. 21.

Разделение социологического труда⁴

	Академическая аудитория	Внеакадемическая аудитория
Инструментальное знание	Профессиональная	Прикладная
Рефлексивное знание	Критическая	Публичная

SOCIETY AND SOCIOLOGY

ливый» формат. Таким образом, важно понимать, что принятие социологом нейтралитета не является безальтернативным действием и вариантом по умолчанию. Например, социолог может осуществлять выбор позиции и перемещаться в рамках типологического квадрата, предложенного Майклом Буравым. Он подразделяет социологию на профессиональную, прикладную, публичную и критическую в зависимости от типа знания (прикладного или рефлексивного) и аудитории (академической или внеакадемической), к которой обращаются социальные ученые.

Смею предположить, что способствовать проведению реанимации студентов-социологов, из-под ног которых ушла смыслообразующая почва, может опыт публичной социологии. Публичная социология прокладывает путепровод между исследователями и исследуемыми, позволяя этим группам вступить в диалог и наладить взаимовыгодное сотрудничество. Таким образом, социолог преодолевает академическую самоизоляцию, включается в жизнь общества, в котором он живет, следо-

вательно, обретает моральные обоснования своей деятельности.

Выйти из сумрака

Для коммуникации социальных ученых с различными общественными группами необходима единая площадка, и мне хотелось бы показать одну из таких коммуникативных платформ. Это – «Тихий пикет».

В марте 2016 г. стартовала ненавязчивая акция информационно-просветительского характера «Тихий пикет», автором которой является специалист по библиотечно-выставочному делу Дарья Серенко. Глагол, которым жгут сердца людей «тихопикетчики», – это небольшого размера плакат с текстом или визуальным материалом различного содержания: от слов в поддержку политзаключенных до стихотворений классиков. Авторы плакатов, после того как совершат с ним променад, пишут об этом отчет в группу «Тихого пикета» Facebook или ВКонтакте. Лист формата А4 врезается в повседневную жизнь не только тех людей, которые случайным образом сталкиваются с ним глазами на улице, в транспорте или где-либо еще, но также нарушают повседневность участников акции. Ино-

гда в социальных сетях «тихопикетчики» делятся своими ощущениями о том, каково это – оказаться в новом для себя амплуа: кто-то говорит, что перед выходом из дома с плакатом ему нужно было преодолеть себя, решиться на этот шаг, кто-то сообщает о том, что испытывал волнение, чувство неловкости, когда ходил с плакатом, или что небольшой кусок бумаги дисциплинировал его поведение. Для завсегда-таев «Тихого пикета» ношение плаката рутинизируется, они перестают испытывать те трепетные эмоции, которые переживали сначала. Как уже было сказано, акция покусается на повседневный порядок ее невольных наблюдателей, более того, их реакция выступает мерилем социальных норм. Приверженцам этнометодологического подхода в социологии и фанатам Гарольда Гарфинкеля участие в «Тихом пикете» пришлось бы по душе.

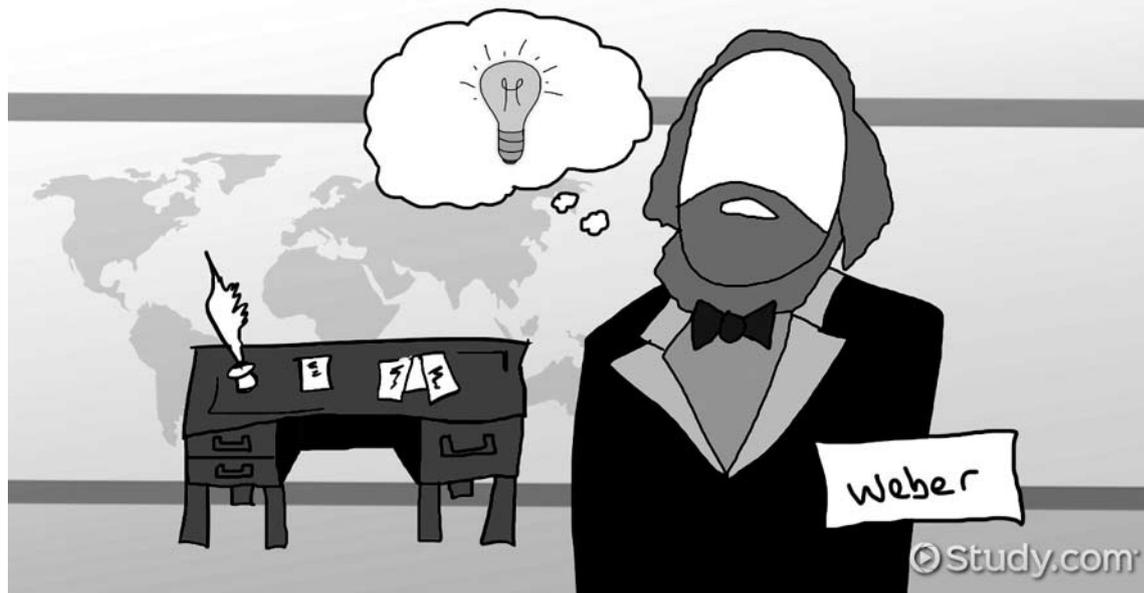
Теперь по существу. «Тихий пикет» – сообщество людей, объединенных общими интересами и целями, место для общения и обмена мыслями. Социолог, присоединяясь к акции, получает возможность услышать потребности внеакадемической аудитории и благодаря этому скорректировать исследовательскую работу в сторону большей злободневности, включиться в общественную дискуссию о проблемах и направлениях движения российского общества, вовлечься в процесс взаимного обучения с участниками акции, ведь, так или иначе, «Тихий пикет» выполняет образовательные задачи. Немаловажно, что одно из правил акции – использовать достоверную информацию для написания текста плаката, если он того требует; для этого даже есть список ссылок на научные и научно-популярные материалы по разным тематикам. Здесь стоит еще раз заострить внимание на том, что и гражданские активисты, и ученые нуждаются друг в друге – что, к слову, обнаружива-

⁴ Буравой М. Указ. соч. С. 22.

ется в моей беседе с активной участницей «Тихого пикета» Сашей Алексеевой, которая погружена и в академическую среду, и в гражданский активизм:

«Я не считаю ученых пассивными, а считаю пассивной и консервативной академическую систему – так как я знакома непосредственно только с российской системой, я говорю о ней. Меня поражает, как считается до сих пор нормальным максимальное отстранение от дискриминируемого “объекта” исследования. Когда на бумаге речь идет о дискриминации женщин, а на практике вопрос женщин игнорируется (эвфемизм). Культ “being aware” кажется мне более чем проблематичным, и я вижу изменения со стороны конкретных людей, но не вижу их со стороны системы. Академия продолжает смотреть на активистов и активисток свысока, вместо того чтобы предоставить плодотворную площадку для сотрудничества. Когда-нибудь перестанет считаться стыдным пропустить пару семинаров из-за того, что тебя приняли на очередном митинге, и станет стыдным на митинг не прийти. Не стоит упоминать, что сейчас это не так. Как нашей акции,

WEBER & RATIONALITY

так и любой акции вообще можно и нужно помочь, предоставив открытую площадку для дискуссии, – открыть двери академии. Невозможно быть специалистом во всем, а значит, надо делиться знаниями, которые у тебя есть, с теми, у кого их нет».

Итак, участие в общественно-политических акциях может быть сопряжено не только с непосредственной целью привлечь внимание к какой-либо значимой проблеме или выразить протест сложившемуся положению дел. Для социального ученого это еще и средство извлечь некоторую информацию, необходимую для понимания социальной действительности, апробировать социологические теории, проложить мост

между социологами и другими группами, находящимися за пределами академического мира. И это далеко не полный список того, как социолог может выстроить свои отношения с гражданско-политической активностью.

* * *

А так ли нужно социологу взаимодействовать с общественностью? Ведь вовлекаясь в плотное общение и партнерство с контрпубликой, он рискует оказаться излишне ангажированным и непредвзятым в отношении к изучаемой проблеме, т.е. исказить факт, преподносимый как научный. Несомненно, создание социологии, свободной от ценностных суждений, позволило легитимировать и дисциплинировать социальную науку, но для ее обновления и процветания требуется глоток свежего воздуха извне. А так ли необходима мораль или совесть социологу? До поры до времени. Может ли физик принимать принцип ценностной нейтральности, когда ими (физиками) уже была создана атомная бомба (никому не стоит напоминать печальную судьбу Хиросимы и Нагасаки)? Почему же социолог должен оставаться в стороне от общества, в котором он живет и которое оказывает на него влияние?

TYPES OF POSITIVISM

легитимировать и дисциплинировать социальную науку, но для ее обновления и процветания требуется глоток свежего воздуха извне. А так ли необходима мораль или совесть социологу? До поры до времени. Может ли физик принимать принцип ценностной нейтральности, когда ими (физиками) уже была создана атомная бомба (никому не стоит напоминать печальную судьбу Хиросимы и Нагасаки)? Почему же социолог должен оставаться в стороне от общества, в котором он живет и которое оказывает на него влияние? Э

Поворот к живым мертвецам в социологии¹

Габриэль Россман профессор социологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Его исследования посвящены процессам диффузии в культуре и средствах массовой информации, в частности на популярных музыкальных радиостанциях и в голливудских фильмах²

Перевод с англ. Елены Бейлиной

Дэниэл Дрезнер однажды написал о том, как исследователи международных отношений отреагировали бы на эпидемию зомби. Помимо того, что размышления на такую несерьезную тему сами по себе приносят удовольствие, их цель не лишена сатиры, встречающейся в шутках по типу: «сколько X нужно, чтобы вкрутить лампочку». Если вы хотя бы поверхностно знакомы с подобными шутками, стоит прочесть эту статью. В ней я скромно попытался развить ту же тему для некоторых направлений в социологии.

Исследования общественного мнения (Public Opinion). Оцените степень своего согласия с утверждением: «Зомби являются обостряющейся проблемой в обществе»:

1. Полностью не согласен
2. Скорее не согласен
3. Скорее согласен
4. Полностью согласен
5. Затрудняюсь ответить
6. Хм, откуда я знаю, что Вы действительно из Национального центра изучения общественного мнения (The National Opinion Research Center, NORC), а не пришли, чтобы съесть мой мозг?

Криминология (Criminology). В некоторых поселениях (например, Питтсбурге, Ракун-Сити³) зомбирование встречается чаще, чем посещение колледжа или служба в армии и должно восприниматься как наиболее частое событие в жизни людей. Кроме того, как видно из полевых экспериментов с участием обученных работодателей – «аудиторов» (*audit studies*) – работодатели не желают нанимать зомби, и поэтому клеймо зомбирования оказывает существенное и растущее влияние на всех ходячих мертвецов. Однако раса перевешивает человек-

ность – большинство работодателей скорее наймут белого зомби, чем чернокожего человека.

Исследования культуры (Cultural toolkit). Будучи глупыми и неразумными, зомби не обладают культурными инструментами. Намного больший интерес представляет понимание того, как культурные инструменты живых развиваются и активизируются в такое смутное и неопределенное время, как нападение «ходячих мертвецов». Человек, окруженный зомби, не ограничен культурой, он, наоборот, опирается на нее. Субъекты могут полагаться на такие усвоенные нами при помощи культуры инструменты, как заколачивание окон фермерского дома досками, использование огнестрельного оружия против зомби или просто истерический плач.

Категоризация (Categorization). Легитимность зомби как категории представляет собой определенную проблему. Изначально они были сверхъестественно ожившими мертвецами, вялыми, но беспощадными, желающими съесть мозг человека. Современные зомби, напротив, заражены вирусом, который поддерживает биологическое существование, но делает их поведение диким, лишает восприимчивости к боли и наделяет невероятной проворностью. Кроме того, даже сверхъестественные зомби не однородны, они находятся на разных этапах разложения. Таким образом, первейшая проблема с зомби – это определение того, кто такие зомби и соизмеримы ли они с

аналогичными категориями (например, инферналами в мире Гарри Поттера). Эта понятийная неопределенность влияет на то, что страховые компании систематически недооценивают полисы страхования жизни от нападений монстров, выпадающих из классификации (зомби), по сравнению с монстрами, занимающими однозначную позицию в классификации (вампирами).

Неоинституционализм (Neo-institutionalism). Спасти человечество от полчищ ходячих мертвецов – это масштабная цель, которую легко отделить от средств, используемых для ее достижения. С учетом того, что выжившим нужна легитимность для получения доступа и распоряжения дефицитными ресурсами (патронами, бензином), все более важным становится использование стратегий, расцениваемых в качестве легитимных потенциальными партнерами (например, другими напуганными людьми, которых вы пытаетесь завербовать в свой импровизированный кооператив для выживания), нежели разрабатывать технически эффективные средства уничтожения живых мертвецов. Несмотря на то что на ранних этапах стратегии борьбы с ходячими мертвецами (паниковать, «отсидеться здесь, пока не придет помощь», «мы должны выбраться из города», разрабатывать вакцину и т.д.) применяются там, где они наиболее технически эффективны, как только стратегия обретает легитимность, с помощью изоморфизма она распространяется даже в технически неподходящих контекстах.

¹ *Источник:* Rossman G. Toward a Sociology of Living Death. URL: <https://thesocietypages.org/socimages/2015/10/26/toward-a-sociology-of-living-death/> Опубликовано 26 октября 2016 г.

² См. больше статей Габриэля Россмана на URL: <https://codeandculture.wordpress.com/>

³ Ракун-сити («Город енотов») – вымышленный город из кинофильма «Resident Evil» («Обитель зла»). – *Примеч. перев.*

Популяционная экология (Population ecology). Импровизированные кооперативы человеческого выживания (Improvised human survival cooperatives, IHSC) демонстрируют уязвимость нового: многие IHSC не справляются, подавляются и поглощаются вскоре после формирования. Кроме того, IHSC демонстрируют устойчивость организационной формы, однако IHSC – новаторы, пытающиеся изменить ключевую стратегию (начиная от тех, кто говорит «давайте отсидимся здесь, пока не придет помощь», заканчивая теми, кто утверждает, что «мы должны выбраться из города») намного более подвержены риску быть подавленными и поглощенными.

Исследования диффузии (Diffusion). Вирусный зомбизм (как в фильмах «Обитель зла», «28 дней спустя») обычно начинается с одного пациента, тогда как сверхестественный зомбизм (например, «Ночь живых мертвецов» или «Триллер» М. Джексона) в большинстве случаев возникает с недавно умерших, выходящих из могил. Оценивая, как приближается кривая распространения зомбизма к модели смешанного влияния Басса или к классической S-образной кривой, можно выяснить, является зомбизм сверхестественным или вирусным, и, следовательно, политикам стоит направлять гранты в биомедицинские лаборатории для разработки вакцины против зомби или в католические церкви для проведения ускоренного курса по забытому искусству экзорцизма среди священников. Кроме того, маркетологи могут использовать правдоподобные предположения в модели диффузии Басса для прогнозирования роста рынка товаров для зомби и с помощью такой модели выяснить, когда уже нужно начинать производство таких продуктов, как «мозго-ароматизированные чипсы».

Исследования общественных движений (Social movements). Ключевой вопрос заключается в том, насколько антизомби мобилизация отражает изменения в структуре политических возможностей, происходящие на фоне полного социального коллапса, а не чрезвычайно многозначительные действия, связанные с культурной дезорганизацией и борьбой за территорию. В поддержку последнего тезиса говорит тот факт, что добровольческие дружины охотников на зомби особо активно формируются в тех регионах, где в недавнем времени увеличились показатели миграции. (Этот вывод сохраняется даже тогда, когда контролируются такие параметры, как регистрация оружия, «зона безопасности» около ближайшего пункта армии и т.д.).

Исследования семьи (Family). Зомбизм влияет не только на индивидов, но и на семьи. Если в вашей семье есть хотя бы один зомби, то на уход за ним тратится в среднем 25 часов в неделю, включая затраты на поход к мяснику за свиными мозгами, ремонт обшивки подвала, где зомби живет на безопасном расстоянии от остальных членов семьи, стирка подранной одежды зомби с различными пятнами. Почти все

эти работы по уходу выполняются женщинами, и лишь небольшая часть – оплачиваемыми домработницами, поскольку никакая работница в здравом уме не сунется в дом с зомби.

Прикладная микроэкономика (Applied microeconomics). Мы объединили два уникальных массива данных: снимки мест скопления зомби с военных спутников и извлеченные из обломков штаб-квартиры Exxon/Mobil данные, показывающие, какие АЗС должны были быть дозаправлены как раз перед началом эпидемии зомби. Люди могут использовать запасенный бензин для поджога ходячих мертвецов или в качестве топлива для автомобилей, бензопил и т.д., что обеспечивает экзогенность неоднородности степени благоприятности того или иного района для зомби. Мы показываем, что зомби, как правило, волочатся в сторону районов с низкими запасами бензина. Следовательно, мы делаем вывод, что зомби реагируют на стимулы (такие как школьные учителя, борцы сумо, наркдилеры, риелторы и проститутки).

Обоснованная теория (Grounded theory). Нельзя понять зомби, применяя к ним уже существующую теоретическую базу. Только включенное наблюдение обеспечит насыщенное описание того, как глупые зомби понимают мир. К сожалению, научно-ориентированные учреждения не поддерживают такого рода исследования. Основные исследовательские грантодатели отклоняют предложения, в которых предлагается слоняться по округе и есть живых людей, как «слишком расплывчатые и недостаточно теоретически обоснованные». Более того, в обсуждениях Наблюдательной комиссии по академической этике (Institutional Review Board, IRB) поднимаются вопросы о том, могут ли зомби дать информированное согласие и этично ли убивать живых и есть их «мозги».

Этнометодология (Ethnomethodology). Зомбизм – это не столько состояние бытия, сколько набор практик и культурных сценариев. Зомби определяет не его природа, а его поведение, при этом зомбизм создается и приводится в действие обществом через взаимодействия и общение. Даже если кто-то является «объективно» безмозглым ожившим мертвецом, мы не можем говорить о том, что он выполняет культурную роль зомби, до тех пор пока он не начнет слоняться по округе в поисках мозгов.

Конверс-анализ (Conversation Analysis).

```

HUMAN: Hello, (0.5) Uh, I uh, (Ya know) is anyone in there?
ZOMBIE1: Br:ai[ns], =
ZOMBIE2: [Br]:ain[s]
ZOMBIE1: =[B]r:ains
HUMAN: Uh, I uh= li:ke, Hello? =
ZOMBIE1: Br:ai:ns!
(0.5)
HUMAN: Die >motherfuckers!<
SHOTGUN: Bang! (0.1) =
ZOMBIE1: Aa:ar:gg[gh!]
SHOTGUN: =[Chk]-Chk, (0.1) Bang!
    
```


НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ

Научный руководитель

Вадим Радаев

доктор экономических наук, профессор
департамента социологии, первый проректор,
руководитель ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Редакционный совет

Зоя Котельникова

кандидат социологических наук, доцент
департамента социологии, старший научный
сотрудник ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Елена Бердышева

кандидат социологических наук, старший
преподаватель департамента социологии,
старший научный сотрудник ЛЭСИ НИУ
ВШЭ

Елена Гудова

аспирант департамента социологии, младший
научный сотрудник ЛЭСИ НИУ
ВШЭ

Софья Урманчева

журналист, редактор

Художественный редактор (дизайн и верстка)

Мария Мишина

социальный психолог, журналист,
дизайнер

Отдельная благодарность

Корректору Елене Евгеньевне Андреевой

НАШИ АВТОРЫ

Анна Круглова

PhD по антропологии, научный сотрудник
ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Кеннет Дисон

профессор в области политики
Университета Кардиффа (Великобритания)

Татьяна Ларкина

магистрант Московской школы
экономических и социальных наук,
стажер-исследователь ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Габриэль Россман

профессор социологии Калифорнийского
университета в Лос-Анджелесе (США)

Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
web: www.hse.ru

ЛАБОРАТОРИЯ
ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая,
д. 9–11, комн. 530
тел.: 8 (495) 772 95 90 доб. 12452
e-mail: kotelnikova@hse.ru
web: <http://www.hse.ru/mag/newsletter/>

Адрес редакции

Россия, 101000, г. Москва,
ул. Мясницкая, д. 9–11, комн. 530
тел.: 8 (495) 772 95 90 доб. 12452

Выходит один раз в два месяца
Тираж 500 экз.

Распространяется бесплатно

Веб-версия номера:

<http://www.hse.ru/mag/newsletter/>